

Дмитрий Симановский

Между дистопией и утопией

ОЛДОС ХАКСЛИ КАК АРХИТЕКТОР БУДУЩЕГО*

18+

Dmitry Simanovsky

From Dystopia to Utopia: Aldous Huxley As an Architect of the Future

Дмитрий Симановский

главный редактор издательства *Überbau*, Рига
info@uberbau.org.

Dmitry Simanovsky

Editor-in-Chief for *Überbau* Press, Riga
info@uberbau.org.

Ключевые слова: Олдос Хаксли, дистопия, утопия, пацифизм, критическая теория, образы будущего

Keywords: Aldous Huxley, dystopia, utopia, pacifism, critical theory, images of the future

УДК: 82+929

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_617

UDC: 82+929

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_617

Статья посвящена образам будущего в творчестве Олдоса Хаксли и охватывает период с публикации его антиутопии «О дивный новый мир» (1932) до выхода в свет его последней книги «Остров» (1962). Автор прослеживает развитие идеологии писателя связанные с ним изменения в образах будущего и влияние, которое эти образы оказывали и продолжают оказывать на интеллектуальный и политический ландшафт.

The article explores the images of the future in the works of Aldous Huxley and covers the period from the publication of his dystopian novel «Brave New World» (1932) to the release of his final utopia «Island» (1962). The author traces the development of Huxley's thought, the corresponding changes to the images of the future, and the influence these images have had in shaping the intellectual and political landscapes.

В марте 1947 года недавно созданная Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) приступила к выполнению нетривиальной задачи — поиску философских обоснований для Всеобщей декларации прав человека¹. Ведущим мыслителям современности разослали анкету с целью найти общее в представлениях о правах человека в разных культурах, классах и идеологиях. Среди респондентов преобладали дипломаты, академики и политики: Махатма Ганди, избавивший Индию от британского владычества, лидер британских лейбористов и один из отцов современной политологии Гарольд Ласки, итальянский философ и сенатор Бенедетто Кроче, китайский профессор философии Ло Чун-Шу. На этом фоне Олдос Хаксли,

* Печатается с сокращениями.

1 Инициированный супругой американского президента Элеонорой Рузвельт, этот документ встал в ряд таких направленных в будущее и во многом определивших его текстов, как Декларация прав человека и гражданина (Франция, 1789) и Билль о правах (США, 1791), — оба имеют силу национального закона до сих пор. Всеобщая декларация — первая попытка наднационального законодательства такого рода — была принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года. Из 58 членов ООН 48 проголосовали «за», две страны не участвовали в голосовании, 8 воздержались (СССР, УССР, БССР, Чехословакия, Польша, Югославия, Саудовская Аравия и Южная Африка). Декларация была принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 года.

который никогда не занимал должностей ни в политике, ни на госслужбе, ни в академии, выглядит почти вызывающе. Если оставить за скобками подозрения в nepотизме (первым директором ЮНЕСКО был родной брат Олдоса — Джулиан Хаксли), возникает вопрос — как писатель оказался в такой компании?

Вероятно, причина в том, что после шумного успеха его антиутопии «О дивный новый мир» (1932) Хаксли стал не только одним из самых популярных интеллектуалов по обе стороны Атлантики, но и приобрел славу эксперта во всем, что касается будущего, а Всеобщая декларация была и остается отображением того желаемого для каждого отдельного человека будущего, что показалось на горизонте после катастрофы Второй мировой войны. Кроме того, Хаксли — признанный знаток религиозных и мистических традиций, автор популярной «Вечной философии» — книги, цель которой как раз и состояла в том, чтобы найти «наивысший общий фактор всех теологических учений, собрав цитаты из писаний святых и пророков, обретших непосредственное духовное знание Божественного»². Третья причина, вероятно, заключалась в том, что со второй половины 1930-х Хаксли стал одним из самых красноречивых и последовательных проповедников пацифизма. Это, в сочетании с устремленностью в будущее и поиском общих гуманистических оснований в трансцендентной традиции, характерно для сложившегося образа Олдоса Хаксли, но сложился этот образ не сразу. Начав свой писательский путь с сатиры на пороки британского общества, классовую систему и приверженную чистому искусству интеллигенцию³, он постепенно расширял область рефлексии, что неизбежно привело его к размышлениям о глобальной политике, об общности и различиях населяющих планету людей, об устройстве мира, а затем и о том, как это устройство преобразовать. Однако решения, которые он предлагал, и принципы, из которых исходил, со временем претерпевали заметные изменения. В этой работе я постараюсь проследить сложный путь эволюции футуристического мышления Хаксли, определить его вехи, выделить самосбывающиеся пророчества и непреднамеренные влияния.

Дистопия, или недостижимость здравомыслия

Для Хаксли 1920-х — начала 1930-х характерны скептицизм относительно человеческой природы, интеллектуальный элитизм и критика массовой культуры. В последней писатель видел прежде всего средство управления массами через насаждаемые ею ценности: беззаботность, сексуальную свободу и потребление. На этом, в частности, строится идеология дивного нового мира — самой «гуманной» из дистопий XX века, где власти почти не приходится прибегать к насилию, поскольку держится она не на страхе наказания, а на обусловленной пренатальным манипулированием кастовой системе и стимулировании центров удовольствий⁴. <...>

2 Huxley A. The Perennial Philosophy. London: Chatto and Windus, 1946. P. 4.

3 См. романы «Жёлтый Кром» («Crome Yellow», 1921); «Шутовской хоровод» («Antic Hay», 1923); «Эти опавшие листья» («Those Barren Leaves», 1925); «Контрапункт» («Point Counter Point», 1928).

4 «В «О дивном новом мире» беспрестанные развлечения самого очаровательного характера (ощущалки, «пей-гу-ляй-гу», центробежная лапта) сознательно используются как политические инструменты, призванные отвлекать людей от социальных

Еще один камень в основании дивного нового мира — это евгеника⁵, и в момент работы над романом автор скорее ее сторонник, нежели критик. Важно отметить, что в те годы многие интеллектуалы Британии, среди которых были Герберт Уэллс, Бернард Шоу и др., видели в евгенике одно из перспективных направлений социальной инженерии, способной избавить человечество от многих пороков, а планету от перенаселения — опасности, которая со времен Т.Р. Мальтуса будоражит умы во времена кризисов:

В будущем, которое мы себе представляем, евгеника будет практиковаться с целью улучшения человеческой расы: речь идет не о безжалостном подавлении, скорее о сублимировании инстинктов, чтобы дать им возможность проявляться социально безопасными способами. Образование не будет одинаковым для всех. Дети разных типов будут получать разное образование. Общество будет организовано как иерархия по умственным способностям, а форма правления будет аристократической в буквальном смысле этого слова — править будут лучшие...⁶

В этом пассаже для популярного американского журнала 1927 года уже проглядывает образ кастового общества дивного нового мира, однако молодой Хаксли не видит в таком устройстве непреодолимых этических противоречий. Снисходительное, а то и пренебрежительное отношение интеллектуального меньшинства к малообразованному большинству имеет долгую историю, уходящую корнями к Платону и еще глубже к Гераклиту. В условиях Великой депрессии, массовой безработицы и затяжного политического кризиса многие британские интеллектуалы, и прежде склонные к элитизму, утратили веру во всеобщее избирательное право и парламентскую демократию и охотно транслировали глубоко антидемократические идеи. В зависимости от политических и эстетических симпатий беспомощной Палате общин одни предпочитали корпоративный фашизм, другие советский коммунизм, третьи видели будущее в «открытом заговоре» Герберта Уэллса. В уэллсовской версии будущего технократы-управленцы возглавляют мировое правительство, стоящее выше национальных и региональных юрисдикций. Космополитичная система напоминает коммерческую корпорацию, в которой равенство и прочие демократические ценности принесены в жертву эффективности. Устами одного из персонажей романа «Облик грядущего» Уэллс говорит об «ошибке демократии»: «Бесполезно спрашивать людей, чего они хотят... Сначала нужно придумать, чего им следует хотеть ради общественного блага. А потом уже объяснить, чего они хотят, и позаботиться о том, чтобы они это получили»⁷.

и политических реалий окружающей жизни» (Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / Пер. А.Н. Анваер. М.: АСТ, 2018. С. 41).

- 5 «В дивном новом мире, порожденном моей мрачной фантазией, всю практикуют евгенику и дисгенику. В одних пробирках биологически высококачественные яйцеклетки оплодотворяют высококачественными сперматозоидами, а полученные эмбрионы помещают в идеальные условия. В результате получают бета-, альфа- и даже альфа-плюс-особей. В других, куда более многочисленных, пробирках второсортные яйцеклетки оплодотворяют такими же второсортными сперматозоидами» (Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / Пер. А.Н. Анваер. М.: АСТ, 2018. С. 17).
- 6 Huxley A. The Future of the Past // Vanity Fair Archive. 1927. September (URL: <https://archive.vanityfair.com/article/share/e5e8bef2-0992-4820-8f31-11e35a8f9013>).
- 7 Wells G. The Shape of Things to Come. London: Hutchinson & Co, 1933. Цит. по Shadurski M. Wells and the World State // The Oxford Handbook of H.G. Wells / Ed. by Duncan Bell and Sarah Cole. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 546–558, 548.

Идеи Уэллса, как и его произведения, оказали на Хаксли заметное влияние, и, принимая их, он от них же и отталкивался. Так, одним из мотивов, побудивших его взяться за «негативную утопию», было как раз желание создать пародию на утопические произведения Уэллса. В письме подруге весной 1931 года он сообщает, что пишет «роман о будущем, об ужасах уэллсовской утопии и восстании против нее. Очень сложно. У меня едва хватает воображения на такой сюжет. Работать тем не менее интересно»⁸. Однако если в прозаических произведениях Хаксли оппонирует Уэллсу, то в публицистике тех лет он практически вторит старшему товарищу. Так, весной 1931 года он пишет:

Мы можем либо продолжать следовать нынешним курсом, который ведет к катастрофе, либо отказаться от демократии и подчиниться диктату людей, которые заставят нас делать и терпеть то, чего требует рациональное стратегическое планирование. Или же, если мы сохраним демократическую форму правления, нам придется изобрести методику психологического воздействия, чтобы побудить избирателей думать и действовать до кризиса, а не после него. Или, наконец, мы можем использовать и принуждение, и пропаганду — чтобы принуждение казалось приемлемым. Это сочетание сейчас широко практикуют в России, и, если его усовершенствовать, этот метод имеет все шансы стать универсальным⁹.

Такого рода дуализм характерен для Хаксли той поры: он высмеивает буржуа, которые гонятся за удовольствиями, но сам ищет новых удовольствий; он сетует на низкопробность массовой культуры, но печатается в популярных журналах и метит в Голливуд; он пародирует авторитарный оптимизм Уэллса и склоняется к советской модели управления. В своем романе он фактически излагает свои представления о желаемом мироустройстве, но доводит их до логического предела и, заглянув в свое сердце тьмы, выдает картину, которая оказывается объемнее и сильнее первоначальных интенций. Это среди прочего сближает его с родоначальником жанра и, по-видимому, еще более проницательным автором — Евгением Замятиным. В 1920 году, в разгар Гражданской войны, Замятин, член ВКП(б) с 1905 года, проецируя уже обозначившиеся тенденции, пишет роман¹⁰, в котором советские цензоры, тогда еще весьма либеральные, усмотрели крамолу на образ светлого будущего.

Важно отметить, что рассуждения Хаксли об экономическом кризисе и будущем рабочего класса не были исключительно умозрительными: в разгар Великой депрессии он возвращается в Британию с Французской Ривьеры и вместе с женой Марией предпринимает путешествие по индустриальному северу Англии. В октябре 1930 года Хаксли посещают шахтерский поселок Уэллингтон, почти все мужское население которого осталось без работы. Там по приглашению шахтера и поэта Чарльза Уилсона он читает лекцию «Наука и поэзия», на которой присутствовал и настоятель Даремского собора. Вот как Хаксли описывает этот опыт в эссе с говорящим названием «В Англии, как за границей»:

8 Huxley A. Letter to Mrs. Kethevan Roberts, 18 May 1931 // Letters of Aldous Huxley / Ed. by S. Grover. New York; Evanston: Harper & Row, 1969. P. 348.

9 Huxley A. Forewarned is not Forearmed // Chicago Herald and Examiner. 1931. November 18. P. 9. Цит. по: The Hidden Huxley. London: Faber and Faber, 1994. P. xviii.

10 Роман «Мы» был впервые опубликован в английском переводе Григория Зильбурга в 1924 году в Нью-Йорке, полное русское издание увидело свет лишь в 1952 году, в СССР роман был опубликован лишь в 1988 году.

Несмотря на разницу в возрасте, несмотря на разделяющую нас пропасть во взглядах, мне было легче найти общий язык с церковным сановником, чем с моими товарищами из шахтерского городка. Они мне нравились; я находил их приятными, умными, хорошо осведомленными людьми; я разделял их взгляды. Но поладить мне было легче все-таки с настоятелем. Дело было в воспитании. По Павлову, у нас с настоятелем рефлексy были обусловлены теми странными рассадниками буржуазного империализма, что называются частными школами. Мои товарищи получили образование в государственных семинариях Пролетарской империи. Они были гражданами одной страны, а мы другой — страны чужой и порой враждебной. <...> Чем больше я общаюсь с людьми, живущими по ту сторону разделяющей Англию «великой китайской стены», тем чаще я оказываюсь с ними согласен¹¹.

В связи с упоминанием Павлова позволим себе небольшое отступление. Внук выдающегося биолога и президента Лондонского королевского общества, Хаксли с детства увлекался биологией и даже мечтал стать врачом, пока глазная инфекция едва не лишила его зрения. Однако интерес к естественным наукам и в особенности биологии Хаксли сохранил на всю жизнь. В 1906 году на лекции памяти того самого Томаса Генри Хаксли в Медицинской школе больницы Чаринг-Кросс Иван Петрович впервые рассказал британской публике об условных рефлексax. В том же году журнал «Lancet» опубликовал анонимный немецкий перевод лекции, в котором содержалась терминологическая ошибка — условные рефлексy были названы «обусловленными». В английскую перепечатку этой лекции, опубликованную в американском «Psychological Bulletin» в 1909 году, переключивалась и ошибка. Когда ученик и соратник Павлова Глеб фон Анреп переводил для издательства Оксфордского университета его «Условные рефлексy. Исследование физиологической деятельности коры головного мозга», он оставил уже прижившийся ошибочный перевод — *conditioned* (обусловленные) *reflexes* вместо *conditional* (условные)¹². Разница небольшая, но существенная: «условный» подразумевает, что различные условия и обстоятельства влияют на формирование различных рефлексов, тогда как «обусловленный» ставит акцент на конкретных обстоятельствах, вызывающих определенный рефлекс. Обусловливание — это экспериментальная процедура, которую Павлов придумал, чтобы продемонстрировать условный рефлекс. Именно это значение использовал Хаксли, когда, сочиняя «О дивный новый мир», сделал обусловливание (*conditioning*) основной процедурой формирования эмбрионов с нужными Всемирному государству качествами, а также манипулирования сознанием уже произведенных граждан. Автор ставшего классическим русского перевода романа Осия Сорока не стал передавать термин однозначно, и он переводится то как «воспитание» (как в «Центрально-лондонском инкубатории и воспитательном центре» — *Central London Hatchery and Conditioning Centre*), то как «формирование любви» (как в «формировании любви к теплу» — *heat conditioning*), а то и как «смертовоспитание» — *death conditioning*¹³. Теодор Адорно пишет (возможно, ошибочно), что хакслианское

11 Huxley A. Abroad in England // The Hidden Huxley. Contempt and Compassion for the Masses 1920–36 / Ed. by David Bradshaw. London: Faber and Faber, 1994. P. 53.

12 Igual M.M. Gleb von Anrep (1890–1955). A Student of Pavlov in the British Empire // Neurosciences and History. 2021. № 9 (1). P. 33–34.

13 Хаксли О. О дивный новый мир / Пер. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 12, 18, 107.

conditioning вошло в разговорный американский английский в значении научного манипулирования любыми условиями жизни и приводит в пример кондиционирование воздуха (*air conditioning*)¹⁴. Но вернемся в Англию.

В феврале 1931 Вирджиния Вулф, принимавшая чету Хаксли, пишет у себя в дневнике: «Сегодня они уехали осматривать шахты, фабрики... черную страну; здесь они успели побывать в доках; им необходимо увидеть Англию»¹⁵. Хаксли продолжают исследовать центры тяжелой промышленности и не менее тяжелой безработицы: посещают доки и скотобойни, сталелитейные заводы и химические комбинаты, общаются с рабочими, берут интервью у управленцев. Составитель антологии «Неизвестный Хаксли. Презрение и сострадание к массам» Дэвид Брэдшоу отмечает, что путешествие произвело сильное впечатление, и, хотя Хаксли сетует, что временами ему приходилось принимать ванны, «по краям которых можно было обнаружить по локону с головы каждого коммивояжера Северной Англии», эти поездки пошатнули (но не обрушили) «великую китайскую стену» его интеллектуального презрения к массам. Его платоническая вера в просвещенную аристократию не испарилась в одночасье, однако в четырех текстах, опубликованных по результатам его «северного маршрута» («*Abroad in England*», «*Sight-Seeing in Alien England*s», «*The Victory of Art over Humanity*», «*Greater and Lesser London*»), бедственное положение безработных масс и не более завидная участь тех, кто все еще трудился на фабриках, металлургических заводах, в угольных забоях и на верфях, рассматриваются уже без тени снисходительности. Вот к каким выводам приходит Хаксли, выступая по национальному радио за несколько недель до публикации своей антиутопии:

Нынешний экономический кризис — результат наших собственных действий; мы сами навлекли на себя эту беду, позволив инженерной и сельскохозяйственной науке развиваться быстрее экономической. Мы не можем купить то, что производим, и поэтому наши фабрики останавливают работу, а поля стоят под паром. Миллионы людей голодают, а пшеницу приходится выбрасывать в море. Вот к чему привела нас наука на сегодняшний день. Где же выход? Последователи Толстого и Ганди говорят, что мы должны «вернуться к природе», — иными словами, полностью отказаться от науки и жить как первобытные люди или в лучшем случае по образцу наших средневековых предков. <...> Толстой и Ганди — безусловные гуманисты; но предлагают они смертоубийство, по сравнению с которым массовая резня Тамерлана или Чингисхана покажется незначительными эпизодами. Нет, «возвращение к природе» — решение, далекое от практической политики. Единственное лекарство от науки — не меньше, но больше науки¹⁶.

14 Adorno W.T. *Prisms*. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 100.

15 Woolf V. *Selected Diaries*. London: Vintage Classics, 2008. P. 359: «Я чувствую, что мы [Вирджиния и ее муж Леонард] неудачники по сравнению с Олдосом и Марией. Сегодня они отправляются осматривать шахты, фабрики... черную страну; здесь они побывали в доках; им просто необходимо увидеть Англию. Они собираются на секс-конгресс в Москву, они побывали в Индии, поедут в Америку, они говорят по-французски, навещают знаменитостей — а я живу здесь, как долгоносик в печенье. Боже, как мало я видела, сделала, прожила, почувствовала, обдумала по сравнению с Хаксли — по сравнению с кем угодно». Оставляя за скобками ламентации великой писательницы, хотелось бы адресовать вопрос специалистам: что Вулф и Хаксли подразумевали под «секс-конгрессом» в Москве 1931 года?

16 Huxley A. *Science and Civilisation / The Hidden Huxley. Contempt and Compassion for the Masses 1920–36* / Ed. by David Bradshaw. London: Faber and Faber, 1994. P. 107.

Не пройдет и пяти лет, как Ганди из «опасного» гуманиста станет для Хаксли примером для подражания, а Толстой — опередившим время мыслителем. Перечисляя воззрения Хаксли, которые сегодня видятся заблуждениями, важно помнить про особенность, о которой говорили и современники¹⁷, и биографы¹⁸. Речь идет об исключительной интеллектуальной честности: Хаксли открыто и свободно говорил о проблемах человека и общества, не признавая ни традиционных границ, ни профессиональных барьеров в интеллектуальной сфере. Потому и траектория, по которой развивались его представления о вероятном и желаемом будущем, видится нам столь интересной.

«О дивный новый мир» хорошо приняли и читатели, и критики, однако выпады Хаксли против массовой культуры и евгенические призывы встречали все меньше понимания среди интеллигенции. Относительно евгеники его логика такова: развитие медицины и снижение детской смертности привели к тому, что естественный отбор в человеческой популяции практически перестал работать, что, в свою очередь, привело к растущему числу «недоумков» (*half-wits*). Такие люди внушаемы и составляют основу поддержки диктаторских режимов. Ради укрепления демократии нужно «поощрять нормальных и сверхнормальных членов общества заводить большие семьи и не допускать размножения недоумков»¹⁹. Однако закон, разрешающий стерилизацию «недоумков», продвигаемый Евгеническим обществом, членом которого был Хаксли, лейбористы заблокировали еще в 1931 году, а с тех пор, как стерилизация стала широко практиковаться в нацистской Германии, позиции британских евгеников стали еще более шаткими.

Летом 1933 года Хаксли посещает конференцию «Будущее европейской мысли», организованную предшественником ЮНЕСКО — Институтом интеллектуального сотрудничества, где выступает с речью «В защиту интеллекта»:

Как нам бороться с антиинтеллектуализмом? Как укрепить ту веру в разум, без которой невозможно политическое единство Европы? Прежде всего — это логика. Ведь все антиинтеллектуальные доктрины саморазрушительны. <...> Но логическими размышлениями массы, к сожалению, не увлечь. К массам нужно обращаться с позиции абсолютной власти, подобно тому, как Иегова говорил с израильянами, или иносказательно — то есть с помощью искусства. К сожалению, произведения искусства нельзя создавать по заказу, как на собственном неудачном опыте убедились Наполеон и большевики. Все, что нам остается, — это надеяться. Интеллектуальный художник может явиться, а может и нет. Создать его не в наших силах. Организовать можно все, кроме искусства. <...> Если высокое искусство останется незапятнанным, не все потеряно. Всегда будет элита, способная откликнуться на такое искусство, прочувствовать его, позволить ему оказывать на себя влияние²⁰.

«Элита», очевидно, восприняла его откровения без энтузиазма. В письме подруге он жалуется: «Пока не побываешь на съезде по “интеллектуальному со-

17 *Craft R.* Stravinsky: Chronicle of a Friendship. Nashville: Vanderbilt University Press, 1996.

18 *Murray N.* Aldous Huxley: A Biography. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 247.

19 *Huxley A.* Abroad in England, The Hidden Huxley. Contempt and Compassion for the Masses 1920–36 / Ed. by David Bradshaw. London: Faber and Faber, 1994. P. 147–158.

20 *Huxley A.* A Defence of the Intellect. Delivered at The Future of the European Mind conference in Paris, 16–18 October 1933 // The UNESCO Courier (URL: <https://courier.unesco.org/en/articles/defence-intellect>).

трудничеству», сложно даже представить, насколько бездонна может быть глупость некоторых ученых людей. Собаки умнее»²¹. Налицо конфликт между «недопонятым» публицистом и писателем, заметно расширившим свою аудиторию за счет антиутопии, суть которой — в острой пародии на им же продвигаемые в публицистических работах идеи. В этом конфликте писатель оказался не только прогрессивнее, но и прозорливее публициста. Тем временем внутренние противоречия между интеллектуальным элитизмом и демократическими устремлениями лишь обострялись, и месяцы с середины 1934 по конец 1935 года стали, по словам биографа писателя Николаса Мюррея, одним из самых сложных периодов в его жизни²².

Откровение пацифизма

Провозглашение Гитлера «фюрером Германского рейха» в августе 1934 года радикально изменило отношение Хаксли к перспективам авторитаризма. Еще весной 1933 года Хаксли с тревогой вслушивался в передачи немецких радиостанций о сожжении книг и бойкоте евреев²³. Вскоре в Санари, городок на юге Франции, где жили Хаксли, начали прибывать немецкие беженцы и среди них такие известные литераторы, как Томас Манн и Лион Фейхтвангер. В июне 1934 года Хаксли побывал в лондонской Олимпии на митинге Британского союза фашистов, где выступал лидер «чернорубашечников» Освальд Мосли. Послушать его собралось 12 тысяч человек. В сборнике личных свидетельств об этом событии есть и репортаж Хаксли, в котором он рассказывает, что, когда в адрес Мосли выкрикивали что-то нелицеприятное, тот театрально прерывал речь, а его подручные набрасывались и жестоко избивали смельчака в лучах прожекторов, освещавших расправу²⁴. Все это подводило Хаксли к мысли, что «прогрессивно мыслящим людям надо держаться вместе, если мы не хотим висеть по отдельности»²⁵.

Помимо внешних обстоятельств у этой трансформации были и внутренние причины: собственное остроумие и парадоксальность перестали забавлять писателя: «Внезапно он осознал, что застопорился в своем развитии на стадии отрицания и цинизма, этого было явно недостаточно»²⁶, — говорила об этом периоде его жена Мария. «Все это знаменитое “планирование”, социальная и экономическая организация теряют всякий смысл, если мы останемся внутренне дезорганизованы, как варвары перед лицом нами же созданных социальных сил», — вторил ей сам Хаксли в письме Мэри Хатчинсон от 18 августа 1934 года.

В октябре 1934 года англиканский пастор, в прошлом настоятель Кентерберийского собора, Дик Шеппард опубликовал в ведущих газетах Британии при-

21 *Murray N. Aldous Huxley: A Biography*. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 336.

22 *Ibid.* P. 356.

23 «Бойкот евреев» (*Judenboykott*) — первая общенациональная согласованная акция нацистского режима против немецких евреев — была проведена 1 апреля 1933 года.

24 *Murray N. Aldous Huxley: A Biography*. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 363.

25 *Huxley A. For Intellectual Liberty Bulletin* № 1 // *The Hidden Huxley. Contempt and Compassion for the Masses 1920–36* / Ed. by David Bradshaw. London: Faber and Faber, 1994. P. 218.

26 *Murray N. Aldous Huxley: A Biography*. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 369.

звывая присылать ему открытки следующего содержания: «Война — это преступление против человечества. Я отрекаюсь от войны и клянусь не поддерживать никаких военных действий. Я также твердо намерен работать над устранением всех причин войны». В ответ Шеппард получил 80 тысяч открыток, и одним из первых респондентов был Олдос Хаксли. Так появился Союз клятвы мира (иногда Лига защиты мира) — одна из крупнейших пацифистских организаций Британии, объединившая десятки тысяч мужчин и женщин. Само участие Хаксли в такого рода массовой низовой инициативе — это серьезный шаг в сторону от проповедуемого им элитизма. Через год Хаксли познакомился с Шеппардом лично, и их переписка стала фиксировать вехи его трансформации:

После нашего совместного обеда я испытываю неимоверный стыд за ту легкомысленность, с которой я говорил о проекте организации движения за мир. Когда человек наделен таким странным даром, как красноречие, у него, к сожалению, возникает соблазн использовать его для изящного выражения идей, которые знакомы ему лишь умозрительно, а не по собственному опыту. То, что я, теоретик, так много говорил вам, человеку, который работает с людьми со всей самоотдачей, — откровенно смешно, и только смех и позволяет мне сгладить острые углы своего стыда. До сих пор мысли, книги, разговоры и писательство были моим опиумом и моим алкоголем, только теперь я пытаюсь справиться с этой зависимостью и начать слушать и делать²⁷.

Это было начало трудного и небезопасного перехода: интеллигент-мизантроп из надежного убежища социальной сатиры постепенно выходит на простор прямого политического высказывания, повесив на себя мишень глашатая и активиста. Из литератора, способного метко проецировать наблюдаемые тенденции на туман будущего, Хаксли становится проводником, который с помощью лучины подкрепленного идеалами разума пытается этот туман рассеять: «В самой идее, что мир, в значительной степени нами же и созданный, можно при желании перестроить по иным, лучшим принципам, нет ничего абсурдного», — говорит он на первом публичном выступлении в качестве адепта пацифизма²⁸. Сбросив панцирь высокоинтеллектуального безразличия, Хаксли стал более уязвим, но внутреннее примирение писателя и публициста сделало его более цельной фигурой.

В 1936 году Хаксли становится одним из самых активных деятелей Лиги, ее представителем на международных конференциях и автором ее воззваний. Весной он пишет программное произведение в новом качестве. Его издатели, стремясь капитализировать неожиданное амплуа, издадут большой тираж этого текста в виде трехпенсовой брошюры. «Что нам с этим делать? Доводы в пользу созидательного пацифизма» — на тот момент наиболее целостное изложение пацифистских убеждений Хаксли, в котором безупречная логика сочетается с глубиной и доступностью изложения.

Чувство, воля, мысль — вот три измерения нормального человеческого существования. <...> Чуткие и восприимчивые от природы люди сегодня остро ощущают, что война — дело противоестественное. У некоторых это чувство сопровождается

27 Huxley A. *Selected Letters* / Ed. with an introduction by James Sexton. Chicago: Ivan R. Dee, 2007. P. 210–211.

28 Murray N. Aldous Huxley: A Biography. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 365.

решимостью покончить с войной; их воля к миру готова перерасти в действие. Однако чувство без воли или мысли бессильно и часто скатывается к оправданию бездействия. <...> В этом памфлете сделана попытка дать всем, кто испытывает омерзение к войне, всем, кто желал бы покончить с нею, интеллектуальное обоснование своей позиции; попытка показать, что их чувства и желания по сути здравы, что пацифизм, который считается утопией, на самом деле — прагматичная стратегия; и не просто прагматичная, но единственно реалистичная²⁹.

Говоря о прагматичности пацифизма, Хаксли утверждает, что средства должны соответствовать целям, и приводит в пример движение ненасильственного сопротивления британскому империализму под руководством Ганди, которого еще двумя годами раньше считал опасным идеалистом. Хаксли проводит мысль о том, что дух коллективизма — это то, что делает возможным существование и общества, и организованной военной машины, вопрос только в том, как широко мы понимаем коллектив. В средневековой Вероне это были кланы с их бесконечной вендеттой, в Европе XIX века — нации, столкновение интересов которых привело к Первой мировой, однако с повышением экономической связности, с одной стороны, и разрушительной силы оружия, с другой, пришло время воспринимать себя как человечество. Далее Хаксли снабжает стихийных пацифистов рациональной аргументацией, последовательно опровергая расхожие заблуждения о неизбежности войны. Развенчивая эти аргументы, Хаксли проходит по всему политическому спектру — слева направо:

Нам говорят, что войны развязывают капиталисты и производители оружия, преследуя корыстные интересы. <...> Допустим, что причины войны носят в основном экономический характер и что целесообразные изменения в существующей экономической системе устранили бы эти причины. Перед нами по-прежнему стоит ключевой вопрос: каким именно образом изменить эту систему? Насилием, говорят революционеры. Но если использовать насилие как средство, цель неизбежно будет отличаться от провозглашенной. В России целью объявили коммунизм, и для его достижения насилие применялось практически без ограничений и по жестокости, и по длительности. И что в итоге? Современное российское общество не назвать коммунистическим; это искусно выстроенная иерархия, управляемая небольшой группой партocrats, готовой применить крайние меры физического и экономического принуждения к любому, кто не согласен с их взглядами. <...> Властям там подчиняются беспрекословно, а насилие воспринимается как должное. Экономическую систему России изменили в корне, лишив граждан возможности владеть средствами производства, а следовательно, и средствами принуждения. Собственники утратили рычаги воздействия, зато представители государства получили мандат на неограниченное насилие. <...> Россия обладает самой большой в мире армией, и гордость за эту армию прививается гражданам с самого нежного возраста. История показывает, что страны, которые содержат большие армии и гордятся этим, почти неизбежно используют их против соседей.

Достается и одураченным правопопулистскими лозунгами американским массам:

29 Хаксли О. Что нам с этим делать? Сборник эссе / Пер. с англ. Мастерской литературного перевода Д. Симановского. Рига: Überbau, 2025. С. 17.

Настоящие торговцы смертью — это не производители боеприпасов; это массы, которые выбирают и поддерживают правительства, проводящие жесткую политику экономического национализма. Как бы ни старались итальянские фашисты, немецкие нацисты и японские империалисты, следуя своей идеологии, сделать войну неизбежной, преуспели они не больше, чем американская демократия с ее таможенным законом Хоули-Смута, политикой военного долга и позицией на Лондонской экономической конференции³⁰.

Принятый в 1930 году закон Хоули-Смута значительно повышал таможенные тарифы США, что резко снизило товарооборот с Европой и усугубило Великую депрессию; политикой военного долга назывались усилия США по взысканию средств, выданных европейским странам во время Первой мировой войны; а Лондонская экономическая конференция 1933 года провалилась, когда президент Рузвельт отказался обсуждать стабилизацию курса валют, что привело к масштабной инфляции по всей Европе. Учитывая все перечисленное, приведенная Хаксли цитата из книги американских политологов Саймондса и Эмини «Цена мира. Риски экономического национализма» читается как зловещее доказательство цикличности истории. Это, к сожалению, не единственное пересечение современности с событиями уже почти столетней давности: так, Муссолини, стремившийся восстановить Римскую империю, в октябре 1935 года напал на Эфиопию (Абиссинию). Это привело к кризису Лиги Наций, которая не справилась с возложенной на нее миротворческой ролью, и затем — к экономическому давлению со стороны Запада:

...страны, поддерживающие санкции, оказались перед острой дилеммой. Им следует либо ужесточить санкции, что может спровоцировать отчаявшуюся Италию на войну в Европе; либо принести Абиссинию в жертву, тем самым вознаградив агрессора за счет ни в чем не повинной жертвы. Но на самом деле есть и третий, куда более перспективный вариант — оптимальный путь между обозначенными Сциллой и Харибдой. Это всемирная конференция для окончательного урегулирования обоснованных претензий не только Италии, но всех ущемленных стран. Только экстренное применение пацифистских принципов может дать надежду на решение проблем, которые, если позволить им усугубляться, станут почти неразрешимыми³¹.

На этом этапе Хаксли еще верит в возможность договориться «на высшем уровне», при условии постоянного демократического давления «снизу». Хаксли обозначает державы-гегемоны — Франция, Британия, США, СССР — и призывает их быть готовыми пойти на уступки ущемленным странам — Италии, Японии, Германии. «...Делиться придется главным образом тем странам, которые обладают большими ресурсами. Однако эти жертвы ничто в сравнении с тем, что потребует от нас новая война. И даже в сравнении с тем, что прямо сейчас уходит на подготовку к новой войне»³².

Такая позиция и сегодня звучит радикально, а в те годы вызвала шквал критики. Поэт и публицист Стивен Спендер в журнале «Left Review» пишет, что Хаксли «запутывает нас, заставляя поверить, что нет никакой разницы

30 Там же. С. 36.

31 Там же. С. 40.

32 Там же. С. 40.

между насилием, поскольку всякое насилие — зло»³³. Другой поэт и публицист Сесил Дэй-Льюис, выступая от лица британских коммунистов с ответом, саркастически озаглавленным «Ничего-то нам с этим не поделать» («We're Not Going to Do Nothing»), громит Хаксли и его «огромный прекраснотворный пузырь», совершенно бесполезный «против четырехмоторного бомбардировщика»³⁴. С этим сложно поспорить, однако если Дэй-Льюис и Спендер со временем заметно скорректировали свою позицию и отделились от левых идей, Хаксли держался пацифистских убеждений до конца дней. В 1953 году ему отказали в американском гражданстве, когда он не стал произносить формальную фразу о готовности защищать США с оружием в руках и не стал объяснять этот отказ религиозными убеждениями. В 1959 году он также отказался от звания рыцаря-бакалавра Британской империи — титула, который Спендер с благодарностью принял в 1984.

Твердость убеждений — не значит догматизм. Самоценность человеческой жизни — пожалуй, единственный постулат, которым оперирует Хаксли. «Люди с непоколебимой верой, будь то религия или революция, люди с четко продуманными планами по улучшению жизни на земле проявляют куда более систематическую и хладнокровную жестокость на пути их осуществления. Тот, кто действует исходя из непреложных принципов, рано или поздно возьмет в руки меч или резиновую дубинку», — пишет Хаксли в эссе «Ужасная дилемма» («A Horrible Dilemma», 1936), в котором обозначает выбор между демократической политикой импровизации и решения проблем по мере их возникновения и долгосрочным планированием, которое необходимо для повышения эффективности, но возможно только при условии концентрации власти. Хаксли не бежит подобных противоречий и готов к всестороннему анализу, но и аналитический паралич — не его диагноз. Когда журнал «Left Review» устроил опрос британских авторов для материала «Писатели определяют, на чьей они стороне в гражданской войне в Испании» («Authors Take Sides On The Spanish War», 1937), Хаксли дает вполне определенный ответ, который мы приведем полностью:

Мои симпатии, конечно же, на стороне республиканцев, скорее даже анархистов; ведь анархизм, на мой взгляд, много перспективнее в плане достижения желаемых социальных перемен, нежели крайне централизованный, диктаторский коммунизм.

Что касается «сторон» — мне кажется, что выбор больше не стоит между двумя видами диктатур, широко использующих насилие. Насилие и диктатура не могут породить мир и свободу; они могут породить лишь насилие и диктатуру — а такими результатами за всю историю мы пресытились до тошноты. Сегодня выбор стоит между милитаризмом и пацифизмом. Для меня необходимость пацифизма кажется абсолютно очевидной³⁵.

Большинство респондентов поддержали республиканцев, и это редкий случай, когда Хаксли оказался в большинстве (к слову, Ивлин Во предпочел Франко,

33 Spender S. Open Letter to Aldous Huxley // Left Review. 1937. № 4. P. 539–541.

34 Day Lewis C. We're not Going to Do Nothing: a Reply to Mr. Aldous Huxley's Pamphlet «What Are You Going to Do About It?» // Left Review. 1936.

35 Huxley A. Authors Take Sides On The Spanish War, 1937 (URL: <https://library.fes.de/pdf-files/netzquelle/a-37891.pdf>).

а Т.С. Элиот, Шоу и Уэллс угодили в категорию «нейтральные?»). Но, даже будучи поставлен перед необходимостью определиться по текущей повестке, Хаксли, думая прежде всего о перспективах, выбирает анархистов как носителей идеи низовой самоорганизации. Осознанное распределение ответственности за свое будущее и будущее своих детей — вот что противопоставляет Хаксли-анархист Хаксли-элитисту, уповающему на серендипность благонамеренных аристократов духа. Для молодого Хаксли политика — это игра для властолюбцев и толстосумов, для зрелого политическое есть личное:

Созидательный пацифизм — это не только очередная популярная и, скажем так, оторванная от реальности повестка. Это еще и образ жизни. Когда речь заходит о международной политике, многие провозглашают себя пацифистами, но при этом тиранят собственное семейство, грубят подчиненным на работе, безжалостно и беспринципно относятся к конкурентам. Такие люди не просто лицемеры, но и дураки. Лишь глупец может верить в то, что правительство встанет на путь пацифизма, в то время как граждане, которых оно представляет, не чураются насилия в повседневной жизни³⁶.

Говоря об организации давления «снизу», он предлагает ориентироваться на первых христиан, квакеров, коммунистов — религиозные и квазирелигиозные сообщества, стоявшие у истоков мощных общественных движений. Именно для поиска универсальной основы пацифизма Хаксли обращается к трансцендентному. Вчерашний апологет технократии с несвойственной ему прежде серьезностью говорит о духовном единстве человечества:

Созидательный пацифист формулирует свои убеждения примерно в следующих выражениях. Дух един, и каждый может быть ему причастен. Всякая мысль или поступок, которые отрицают основополагающее единство человечества, — это ошибка и в определенном смысле ложь; всякая мысль или поступок, утверждающие его, справедливы и истинны. У каждого есть выбор — отрицать или утверждать эту общность в наивысшей духовной реальности³⁷.

Принятие пацифизма как квазирелигиозного учения не было для Хаксли ни простым, ни очевидным решением. Сциентизм для него — это не просто личный выбор, но и семейная традиция. Дед Олдоса, Томас Генри Хаксли, сразу после публикации «Происхождения видов» в 1859 году стал одним из самых рьяных и последовательных адептов эволюционного учения, за что получил прозвище «бульдог Дарвина». Сокрушив Сэмюэля Уилберфорса — самого красноречивого и популярного клирика англиканской церкви тех лет — на оксфордских дебатах об эволюции в 1860-м, Хаксли сделал учение Дарвина общепринятым в научных кругах и фактически создал естественно-научное направление в британском образовании. Более того, Томасу Генри Хаксли мы обязаны самим понятием «агностицизм», вошедшим позднее во все европейские языки. Такой бэкграунд до некоторой степени объясняет сутубый материализм молодого Олдоса Хаксли. И тем не менее, наряду с самыми глубокими поисками рациональных обоснований для отказа от масштабного

36 Хаксли О. Что нам с этим делать? Сборник эссе / Пер. с англ. Мастерской литературного перевода Д. Симановского. Рига: Überbau, 2025. С. 45.

37 Там же. С. 44.

насилия, следующее десятилетие он посвятит изучению и толкованию мистических традиций как основы пацифизма и ключевой для него идеи о единстве человечества.

Общие основания для совместной жизни в будущем

В 1937 году Хаксли с семейством перебирается в США, где обнаруживает себя трансатлантическим селебрити («Ты представить себе не можешь, как он здесь знаменит», — пишет подруге Мария³⁸), а вскоре и флагманом светской хроники, где он появляется в компании Гэри Олдмана, Чарли Чаплина и других звезд Голливуда. Однако это не мешает ему продвигать свою далекую от гламура повестку: по дороге из Нью-Йорка в Калифорнию он посещает шесть университетов, используя всякую кафедру и аудиторию для популяризации деятельного пацифизма. Сразу по приезде в Калифорнию Хаксли возвращается к начатому еще в Европе масштабному труду, получившему название «Цели и средства (исследование природы идеалов и методов, используемых для их реализации)» («Ends and Means. An Enquiry Into the Nature of Ideals and Into the Methods Employed for Their Realization», 1937). Исходная предпосылка Хаксли в том, что конечные цели — всеобщее благоденствие — приблизительно совпадают у всех от пророка Исайи и до Карла Маркса. Значит, все упирается в средства.

Есть те, кто верит, и в наше время это очень популярное убеждение, что столбовая дорога к лучшему миру — это путь экономических реформ. Для других кратчайший путь к утопии — военные завоевания и гегемония одной нации над другими; для третьих — это вооруженная революция и диктатура определенного класса. Все они мыслят главным образом в терминах социальной машинерии и масштабной организации. Есть и те, кто подходит к проблеме с противоположной стороны и считает, что желаемые социальные изменения могут быть осуществлены наиболее эффективно через изменения составляющих общество людей³⁹.

Хаксли подводит читателя к выводу, что панацеи от болезней государственного организма не существует и что локализация проблемы — то есть перевод ее на уровень, доступный для непосредственного участия тех, кто этой проблемой затронут, — важнейшая предпосылка для успешного решения. Развивая обозначенные в «Что нам с этим делать?» положения о распределенной ответственности, он показывает, что централизация власти — обязательное условие для большой войны, тогда как децентрализация — важнейшее условие социального и индивидуального прогресса. Децентрализация — это и предохранитель от идолов нации и класса, и альтернатива консьюмеризму, который Хаксли отождествляет с механоморфизмом, понимаемым как механическое существование, обусловленное ритуалами культурного и материального потребления.

38 Цит. по: *Murray N. Aldous Huxley: A Biography*. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 386.

39 *Huxley A. Ends and Means. An Enquiry Into the Nature of Ideals and Into the Methods Employed for Their Realisation*, Chapter I // Huxley Archive (URL: <https://huxleyarchive.org/Non-fiction/BOOKS/Ends%20and%20Means.pdf>).

Национализм впервые приобрел статус религии в Германии во время наполеоновских войн. Коммунизм возник примерно пятьдесят лет спустя. Те, кто не стал поклонниками новых идолов, либо остались христианами, цепляясь за доктрины, которые с каждым шагом науки становились все менее приемлемыми с интеллектуальной точки зрения, либо приняли механоморфизм и пришли к убеждению, что жизнь не имеет смысла⁴⁰.

Именно утратой смысла Хаксли объясняет массовую популярность коммунизма и фашизма, который дает миллионам молодых людей цель существования, возможность оправдывать ненависть и насилие, но и проявить мужество и самопожертвование и, «по сути, все добродетели, кроме основных и первостепенных, без которых все остальное может служить лишь средством для более эффективного совершения зла»⁴¹. Эту цепочку взаимосвязей Хаксли продвигает и в художественной прозе:

Французская революция породила Наполеона, — сказал Проптер после минутной паузы. — Наполеон породил германский национализм. Германский национализм породил войну 1870 года. Война 1870 года породила войну 1914-го. Война 1914-го породила Гитлера. Таковы отрицательные результаты Французской революции. За освобождение же французских крестьян от феодальной зависимости и расширение политической демократии ей можно сказать спасибо. Положи хорошее на одну чашу весов, а плохое — на другую и посмотри, что перевесит. Затем проделай ту же операцию с Россией. На одну чашу положи крах царизма и капитализма, на другую положи Сталина, тайную полицию, голод, двадцать лет лишений для ста пятидесяти миллионов жителей, ликвидацию интеллигентов, кулаков и старых большевиков, несметные полчища заключенных в лагерях; положи воинскую повинность, обязательную для всех, будь то мужчина или женщина, ребенок или старик, положи революционную пропаганду, подтолкнувшую буржуазию к изобретению фашизма⁴².

Свой взгляд на историю Хаксли преподносит устами персонажа последнего довоенного романа «Через много лет» («After Many a Summer», 1939), сюжет которого крутится вокруг стареющего магната Джо Стойта. В поисках продлевающих жизнь средств он прибегает к услугам крупного, но беспринципного ученого, которому Хаксли противопоставляет созидательного «кулибина» Проптера. Всякая инновация для этого персонажа — путь к свободе или прочь от нее. В одной из сцен он представляет Стойту генератор, работающей на солнечной (!) энергии, и на вопрос магната: «У тебя что, нет электричества из города?», выдает краткое изложение авторской политэкономии:

Чем больше боссов, тем меньше демократии. Но если люди не умеют обеспечивать себя сами, им приходится подыскивать себе босса, который занялся бы этим за них. Стало быть, чем меньше самостоятельности, тем меньше демократии. Во времена Джефферсона чуть ли не все американцы были самостоятельными. Они были экономически независимы. Независимы как от правительства, так и от большого бизнеса. Отсюда и Конституция. <...> Мы уважаем нашу старую добрую Конституцию, но фактически в стране действует другая. А если нам охота вернуться

40 Ibid. P. 72.

41 Ibid. P. 73.

42 Хаксли О. Через много лет. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 115.

к первой, мы должны хотя бы примерно воссоздать те условия, в которых она была написана. Вот для чего мне понадобилась эта машинка. — Он похлопал прибор по корпусу. — Она поможет приобрести независимость всем, кто этого хочет⁴³.

Связь между технологиями и политическим устройством, а также идея о том, что прикладная наука способна как решать, так и усугублять стоящие перед человечеством проблемы в зависимости от того, кто ставит перед учеными задачи, станет ключевой для послевоенной публицистики Хаксли, но уже в 1939-м он одним из первых говорит о сырьевой зависимости и демократизирующей силе возобновляемой энергии. В «Целях и средствах» он также поднимает вопрос о необходимости общественного контроля за технологиями задолго того, как это стало общим местом.

Таков мир, в котором мы оказались, — мир, который, если судить по единственному приемлемому [этическому] критерию прогресса, явно откатывается назад. Технологический прогресс идет быстрыми темпами. Но без прогресса милосердия технологический прогресс бесполезен. Хуже того, технологический прогресс предоставляет нам все более эффективные средства для движения назад⁴⁴.

Приоритеты расставлены, и в заключительном разделе эссе поднимается вопрос: в чем, собственно, смысл реформ? Кому нужны все эти усовершенствования? Хаксли не верит, что практический реформатор может обойтись без подобных размышлений, поскольку: «Наши метафизические убеждения далеко не бессмысленны — они являются определяющим фактором всех наших действий. Именно поэтому мне показалось необходимым завершить мою кулинарную книгу практических рецептов обсуждением основных принципов. Последние три главы («Религиозные практики», «Убеждения», «Этика». — *Прим. автора*) являются самыми значимыми и, даже с чисто практической точки зрения, самыми важными»⁴⁵. Подводя итог, Хаксли пишет: «Сегодня, когда не существует ни аксиом, ни общепризнанных постулатов, всякое обсуждение проблем политики, экономики или образования, без учета фундаментальных убеждений, является неполным и даже вводящим в заблуждение»⁴⁶.

В целом «книга практических рецептов» выдержана в духе пастырских наставлений, и, хотя любой вопрос рассматривается с разных сторон, конечные выводы сомнениям не подвергаются. Можно было бы предположить, что подобный дидактизм оттолкнет читающую публику, но нет — «Цели и средства» стали одной из самых успешных книг Хаксли, и за первые три недели в одной только Британии книга разошлась тиражом более шести тысяч экземпляров⁴⁷. Но если какие-то общественные организации или правительственные органы и заинтересовались мнением Хаксли по ключевым вопросам современности и будущего, то это было ФБР: Хаксли упоминается в докладе директору бюро, озаглавленном «Подрывная деятельность — Общее»⁴⁸.

43 Там же. С. 137.

44 Huxley A. Ends and Means. An Enquiry Into the Nature of Ideals and Into the Methods Employed for Their Realisation, Chapter I // Huxley Archive (URL: <https://huxleyarchive.org/Non-fiction/BOOKS/Ends%20and%20Means.pdf>).

45 Ibid.

46 Ibid.

47 Murray N. Aldous Huxley: A Biography. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 392.

48 Ibid. P. 389.

В последний предвоенный год Хаксли отправляется с западного на восточное побережье США, чтобы нести благую весть в неизменно переполненных университетских залах и аудиториях. Но разразившаяся в Европе война заставляет проповедника пацифизма и децентрализации замолчать. Большинство его коллег по цеху, вне зависимости от убеждений, сплотились вокруг радиостанции *BBC*, ставшей мощным орудием пропаганды и контрпропаганды, а также центром операций, связанных с шифровкой и передачей донесений группам сопротивления в Европе⁴⁹. Хаксли, напротив, отдаляется от военной повестки, насколько это возможно. Свою позицию он подробно излагает в письме скульптору Сюзанне Николас, сестре его жены Марии, переехавшей с семьей в Нью-Йорк еще до войны.

Дорогая Сюзанна,

Мария прочла мне твое письмо, полученное несколько дней назад. После всего, что произошло в Голландии и Бельгии и может произойти во Франции и Англии, отчаяние, которое ты испытываешь, мне более чем понятно. Очень трудно не чувствовать себя раздавленным под гнетом происходящих ужасов и несчастий. А если мы не позволим своему сопереживанию дойти до степени страдания, равного или сопоставимого с тем, что испытывают несчастные жители Европы, мы чувствуем себя бессердечными и в то же время несправедливо облагодетельствованными судьбой. И все же противостоять этой вполне естественной склонности к предельному состраданию видится мне одной из наших первоочередных обязанностей. Заболеть от сочувствия и тревоги — значит в некотором роде расширить поле войны, принести разрушения в регион, который физически остался нетронутым. Мы причиняем вред себе и окружающим, не принося пользы тем, кто страдает там. Христос сказал — я цитирую слова из английского перевода — *Sufficient unto the day is the evil thereof* [«Довольно всякому дню своей беды»] (Мф. 6:34). — *Прим. автора*. Это осуждение тревожного предвкушения несчастий. То, что он говорил о времени, можно применить и к пространству — *«Sufficient unto the place is the evil thereof»* [Довольно всякому месту своей беды]. Не следует своими мыслями и эмоциями расширять масштабы зла, творящегося в определенном месте. Сама возможность исправить это зло зависит от того, насколько мы будем сильны в момент, когда представится шанс повлиять на ситуацию. Поэтому совершенно необходимо беречь и укреплять свои силы, не распыляя их, не позволяя сочувствию подрывать наше здоровье и моральный дух. В современном мире зло, по своей природе ограниченное, получило практически безграничные возможности распространения посредством газет, радио и кино. Необходимо установить для себя режим потребления новостей и комментариев — полагаю, одной-двух доз в день вполне достаточно. Мы должны строго нормировать эти раздражители ума; ибо стимуляторы такого рода вызывают эмоции, которые, за неимением возможности прямого и благотворного действия, выводят из равновесия испытывающий их организм⁵⁰.

Многие читатели этих строк, вероятно, почувствуют, что автор, преодолев пространство и время, обращается непосредственно к ним. Особенно, когда речь заходит о предлагаемой писателем медиадиете — возможно, одним из первых

49 BBC's Secret World War Two Activities Revealed // BBC. 2019. September 3 (URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-49562570>).

50 Huxley A. Selected Letters / Ed. with an introduction by James Sexton. Chicago: Ivan R. Dee, 2007. P. 372–373.

подобных рецептов, если не считать рекомендацию профессора Преображенского не читать до обеда советских газет.

Когда будущее заволочено кровавым туманом войны, Хаксли обращает взгляд в прошлое. В книге «Серое преосвященство. Этюд о религии и политике» он рассматривает обозначенную в названии связь на примере Франсуа Леклера дю Трамбле — монаха капуцинского ордена, который из христианского мистика стал серым кардиналом (его прозвище вошло во все европейские языки как имя нарицательное) и подручным Ришелье⁵¹. Включив режим сохранения энергии, Хаксли все глубже погружается в изучение мистических традиций, религий и метафизических учений. В 1944 году, вероятно, разглядев свой «шанс повлиять на ситуацию», он начинает работу над трактатом «Вечная философия»: Хаксли намерен отыскать Наивысший Общий Фактор, который лежит в основе всех мировых религий и мистических систем. «Такая книга будет полезной и своевременной»⁵², поскольку продемонстрирует людям их единство и позволит в будущем отказаться от порочного круга насилия. В опубликованной сразу после окончания Второй мировой «Вечной философии» Хаксли, несмотря на метафизический характер текста, не забывает громить технологический империализм (теперь еще и теологический), консьюмеризм и массовую культуру, продвигать экологическую повестку и децентрализацию, однако обращение к Богу, даже с сугубо практических позиций, вызвало у многих его читателей реакцию отторжения. Вспоминая Хаксли времен сборника эссе «Делай, что пожелаешь» («Do What You Will», 1929), где он пишет, что «поклоняется жизни и готов принять все противоречивые факты существования»⁵³, один из рецензентов признается: «Если бы пришлось выбирать, то не обращенный Хаксли шестнадцатилетней давности нам бесконечно милее сегодняшнего угрюмого моралиста. Проблема Хаксли заключается и всегда заключалась в его интеллектуальном фанатизме. Идеи кружат ему голову. Ему следовало бы почитать Аристотеля об умеренности»⁵⁴.

«Наука, свобода и мир»

В первом послевоенном тексте «Наука, свобода и мир» Хаксли возвращается из метафизических эмпирей на грешную землю. В эссе, которое стало откликом на учредительную сессию ООН 1945 года, Хаксли обозначает внутренние изъяны складывающегося мирового порядка и, не считая их имманентными, предлагает свои варианты решения. По Хаксли, главные препятствия на пути человечества к более справедливому миру это: во-первых, национализм, который он считает опасным идолопоклонничеством и суррогатом традиционной религии; во-вторых, централизация, которая ведет к концентрации экономической и политической власти в руках меньшинства, лишает людей осмысленной деятельности и свободы выбора, провоцирует конкуренцию за ресурсы,

51 *Хаксли О.* Серое Преосвященство: этюд о религии и политике. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

52 *Murray N. Aldous Huxley: A Biography.* New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 443.

53 *Huxley A.* Pascal from Do What You Will Essays. London: Watts & Co., 1929. P. 188.

54 *Joad C.E.M.* Review in New Statesman and Nation. 5 October 1946 // Aldous Huxley. The Critical Heritage / Ed. by Donald Watt. New York: Routledge, 1997. P. 365.

а в спайке с национализмом — крупномасштабное насилие и войны; и в-третьих — всякая идеология, построенная на противопоставлении нации, религии или класса, что неизбежно ведет к тоталитаризму. Поскольку в современном обществе все эти препятствия зависят от технологий — пропагандистских, военных, производственных, — деятели прикладной науки оказываются в некотором смысле ответственны не только за свое, но и за всеобщее будущее. Программный текст открывается эпиграфом из «Предисловия к статье Э. Карпентера “Современная наука”» Л.Н. Толстого, в полной мере отражающем его дух: «Если устройство общества дурное, такое, как наше, где малое число людей властвует над большинством и угнетает его, всякая победа над природой неизбежно послужит только к увеличению этой власти и этого угнетения. Так оно и совершается»⁵⁵. Толстой, наравне с Ганди, становится ориентиром и в практической этике, и в политической практике. Воодушевленный успехами сатьяграхи — инициированного Ганди массового ненасильственного сопротивления в Индии, опрокинувшего вековое британское господство, — Хаксли утверждает, что гражданская бдительность, а если надо, и неповиновение, является единственным барьером на пути экспансионистской по своей природе власти. Ненасильственные принципы в решении политических противоречий между массами и верхушкой Хаксли преподносит как единственно возможный вариант в условиях технологического доминирования власти:

За последние два-три поколения ученые и инженеры снабдили политических боссов у руля национальных государств беспрецедентно эффективными инструментами принуждения. Огнеметы, танки и бомбардировщики — и это лишь малая часть доступного им арсенала — лишили прежние методы народного восстания всякого смысла. А небывалый прогресс в области транспорта и средств связи значительно расширил возможности полиции. Репрессивный аппарат, который для Наполеона наладил Фуше [французский политический и государственный деятель: находясь на посту министра полиции в период правления Наполеона, создал разветвленную систему политической слежки и шпионажа. — *Прим. автора*] — человек по-своему выдающийся, — сегодня смотрится как громоздкий и нелепый механизм по сравнению с тайной полицией, которая находится в распоряжении современной диктатуры или даже демократии. В прошлом личные и политические свободы были тем шире, чем ограниченнее были возможности правительства по их регулированию. Испокон веку тирания всей душой стремилась к подавлению, однако ее организация и техническое обеспечение оставляли желать лучшего. Научно-технический прогресс полностью изменил ситуацию⁵⁶.

Сняв тунику монаха-универсалиста, Хаксли примеряет тогу народного трибуна, против обыкновения облеченного не только заботой о процветании большинства, но и энциклопедическими знаниями. От упадка Древней Греции до катастрофы Второй мировой — на протяжении всей истории он видит губительное влияние национализма. По Хаксли, существование «великих держав» всегда будет угрозой человечеству, а технический прогресс на службе политической и экономической централизации — это не следствие войны, а ее причина.

55 Хаксли О. Что нам с этим делать? Сборник эссе / Пер. с англ. Мастерской литературного перевода Д. Симановского. Рига: Überbau, 2025. С. 49.

56 Там же. С. 50.

Технологические достижения не упраздняют сам институт войны, они лишь изменяют ее проявления. В настоящее время представляется, что защиты от ядерных ракет не существует. Но исчезновения войн это не предвещает. Коллективная ментальность нации, которой здравомыслящие взрослые люди вынуждены руководствоваться, принимая серьезные решения в области международной политики, — это образ мышления малолетнего преступника: это подросток лет четырнадцати, одновременно хитрый и наивный, зловредный и глупый, болезненно эгоистичный, ранимый и восприимчивый, но вместе с тем до нелепого хвастливый и тщеславный. Когда речь идет о вопросах не столь серьезных, взрослым, вершащим судьбы государственной политики, правилами этой любопытной игры дозволяется вести себя по-взрослому. Но как только дело касается экономических интересов или престижа страны, на смену сознательному доктору Джекилу приходит инфантильный мистер Хайд с этическими установками подростка-гангстера. <...>

Когда внутри страны дела идут плохо, а недовольство масс звучит все более отчетливо, в мире, где война — едва ли не священная традиция, всегда есть возможность переключить внимание общественности с внутренних дел на иностранные и военные. Подконтрольные государству «средства убеждения» начинают извергать потоки ксенофобской или империалистической пропаганды, в отношении некой иностранной державы принимается «жесткая политика», раздаются призывы к национальному единству или, другими словами, слепому повиновению правящей олигархии. И тут уж любая попытка высказать даже самые обоснованные возражения против неэффективного управления или притеснений рассматривается как предательство интересов нации⁵⁷.

Представив портрет политического руководства и его методов, который и сегодня выглядит пугающе достоверным, Хаксли продолжает подкреплять тезисы о том, что если технический прогресс и впредь будет работать на экономику масштаба, а конкуренция за ресурсы и рынки сбыта будет решаться на уровне национальных государств, то первое приведет к еще большей концентрации политической и экономической власти, что в дальнейшем грозит диктатурой, а второе — к очередному витку масштабного насилия. Разумеется, Хаксли не останавливается на констатации проблемы — у него есть решение. Сойти с пути к диктату технологической олигархии и национализма можно, если ученые, руководствуясь здравым смыслом и доброй волей, объединят свои усилия не для решения задач по скорейшему обогащению своих корпораций или доминированию государств, в которых им случилось родиться, а для обеспечения осмысленной жизни и деятельности простых мужчин и женщин:

При соответствующем законодательстве новое направление технического прогресса приведет к постепенной децентрализации, распределению населения, более широкой доступности земель и средств производства, политической и экономической свободе. Исследования Ральфа Борсоди [американский теоретик и практик децентрализованной экономики, считается одним из провозвестников движения, которое позже получило название левого рыночного анархизма. — *Прим. автора*] показали, что методы массового производства и распределения товаров технологически оправданы только для трети общемирового объема производства товаров. <...>

57 Там же. С. 73–75.

В преддверии создания целого ряда международных организаций под эгидой ООН (ЮНЕСКО, ВОЗ, ЮНИСЕФ и др.) Хаксли призывает учредить всемирную организацию ученых: такой интернационал должен был найти пути разрешения ресурсных проблем, которые остаются актуальными и спустя 80 лет.

Одной из причин недавних войн стала международная конкуренция за нефть, месторождения которой ограничены географически. А нынешняя борьба за влияние на Ближнем Востоке, где все оставшиеся великие державы заявляют свои права на нефть Персии, Аравии и Месопотамии, ничего хорошего не предвещает. Организованные научные изыскания средств энергетического обеспечения всех стран, вне зависимости от их природных ресурсов, могли бы умерить искушение развязать вооруженный конфликт. <...> Специалистам по солнечной энергии придется выбирать: работать на дальнейшее порабощение населения промышленно отсталых стран или на постепенное освобождение этих народов от двойного ига — бедности и политико-экономической кабалы.

Технологии накопления энергии почти так же важны, как и ее производство. Одна из наиболее актуальных задач прикладной науки — разработка портативного источника энергии, способного заместить нефть — наиболее опасный с точки зрения политики энергоресурс. Редкие и неравномерно распределенные месторождения способствуют возникновению естественных монополий. Сильные государства используют их для укрепления влияния за счет соседей, а в руках слабых они становятся желанной добычей, почти непреодолимым искушением для империалистов и причиной войн. С общечеловеческой и политической точек зрения наиболее желательной заменой нефти может стать мощный аккумулятор, способный хранить электроэнергию, вырабатываемую с помощью воды, ветра или солнца⁵⁸.

Важно учитывать, что прозорливость Хаксли зиждется не на вдохновении оракула, но на здравом смысле и осведомленности: писатель внимательно следил за новейшими научными и технологическими разработками по всему миру. Примеров тому, что в своих оценках Хаксли вовсе не забегает вперед, множество: так, первая стабильно работающая ветряная турбина была установлена в 1931 году в советской Балаклаве, в течение следующих двадцати лет успешные экспериментальные образцы появились в Европе и США, но понадобился топливный кризис 1973 года, чтобы сначала Дания, а потом и другие европейские государства стали активно поддерживать разработки в области ветряной энергии. В финале эссе Хаксли, вслед за американской антропологиней Джин Уэлтфиш, предлагает по образцу клятвы Гиппократа, которая была возрождена годом позже и сегодня является обязательной для медиков всего мира, ввести клятву для инженеров и ученых примерно следующего содержания: «Клянусь использовать свои знания во благо человечества, против деструктивных сил и злых намерений; клянусь во имя достижения этих общих целей сотрудничать с учеными независимо от их гражданства, вероисповедания и цвета кожи»⁵⁹.

Спустя 80 лет очевидно, что в большинстве своих оценок и прогнозов Хаксли оказался точен. Однако предлагаемые им решения, как правило, подразумевают объединение благонамеренных индивидов, способных к коорди-

58 Там же. С. 90–91.

59 Там же. С. 92.

нированным действиям на основе общих принципов. Идеалистический индивидуализм Хаксли имеет корни в либеральной традиции Викторианской эпохи, когда усилиями отдельных личностей и небольших коллективов, вооруженных любознательностью и научным методом, открывались целые области естественных и гуманитарных наук (к общественным наукам Хаксли относился с некоторым недоверием, считая их политически ангажированными, а для их представителей имел пренебрежительное в его устах именование «профессор»), и достижения которых меняли мир буквально на глазах: фон Ранке, Максвелл, Пастер, Менделеев, Уильям Джеймс, Мария Кюри — список можно продолжать. Не стоит забывать и о его семейной традиции: как уже говорилось, усилиями Томаса Генри Хаксли вся Британия, а за ней и весь мир, восприняла положения дарвиновской теории, на которых биология стоит до сих пор. При всей социальной активности и существенном общественном весе, Хаксли всегда оставлял за собой привилегию частного, не зависящего от каких-либо идеологий мнения. В своих оценках прошлых, текущих и будущих событий он вплотную подходил к марксистской интерпретации, но принципиальный отказ от всякой идеологии, подразумевающей разделение — будь то расовое, национальное или классовое, — не позволял ему использовать диалектическую машину на полную мощность. Впрочем, за него это сделали другие.

Хаксли и критическая теория

Критика прогресса, а точнее направления, в котором он движется в капиталистическом обществе массового потребления и массовой культуры, — ключевая для Хаксли тема. Развивая параллельно, а то и предвосхищая положения Франкфуртской школы, Хаксли дошел до непосредственного источника — эпохи Просвещения. В «Науке, свободе и мире» он формулирует тезисы, которые перекликаются с идеями основополагающей для критической теории «Диалектики просвещения» Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, впервые опубликованной в 1947 году в немецком эмигрантском издательстве в Амстердаме.

Результаты фундаментальных исследований с самого начала использовались так, что во всех промышленно развитых странах богаче становились высший и средний классы. Поэтому не приходится удивляться, что профессиональные мыслители — выходцы из этих классов, знакомые с научными методами и достижениями, — сформулировали общую теорию развития человечества, основываясь на фактах технологического и экономического прогресса. Они утверждали, что в материальном, интеллектуальном и моральном отношениях мир становится все лучше и лучше, и такое совершенствование в некотором роде неизбежно. <...> Нотки нарциссического самовоспевания слышались в XVII столетии, когда начала развиваться современная наука, а к XVIII–XIX векам постулат о неизбежности прогресса уже укоренился в сознании людей⁶⁰.

Связь между Хаксли и основателями Франкфуртской школы (и критической теории) Теодором Адорно и Максом Хоркхаймером не иллюзорна. С 1941 года все трое жили в Пасифик-Палисейдс — районе Лос-Анджелеса — на расстоя-

60 Хаксли О. Что нам с этим делать? Сборник эссе / Пер. с англ. Мастерской литературного перевода Д. Симановского. Рига: Überbau, 2025. С. 65.

нии десятиминутной поездки друг от друга. Неподалеку поселились Томас Манн, Бертольд Брехт, Фриц Ланг, Арнольд Шенберг и десятки других немецких интеллектуалов, отчего эту часть калифорнийского побережья стали называть Веймаром на Тихом океане⁶¹. Со времен первой волны эмиграции немецкой интеллигенции на французский юг Хаксли настороженно относился к новым соседям⁶², однако с Томасом Манном его связывали приятельские отношения, а Адорно, будучи музыкальным критиком, консультировал Манна во время написания «Доктора Фаустуса». В текстах и письмах Хаксли не встречаются упоминания Адорно и Хоркхаймера, а вот хакслианская антиутопия и сам писатель в полный рост отразились в работах обоих немецких философов. И Хоркхаймер, и Адорно активно использовали «О дивный новый мир» Хаксли как полигон для размышлений, которые в течение 1940-х годов складывались в программу критической теории. В июле 1942 года Институт социальных исследований в изгнании (Франкфуртская школа тогда функционировала в Беркли) проводит серию семинаров, посвященных теории потребностей. Адорно и Хоркхаймер берут дивный новый мир как отправную точку для дискуссии, а придуманное Хаксли тоталитарное общество, в котором евгеника, фармакология и доступные удовольствия «закрывают» все потребности его граждан, понимается как доведенная до логического предела программа наблюдаемого ими монополистического капитализма. Одновременно с этим хакслианская антиутопия подвергается самому скрупулезному и взыскательному анализу. Адорно говорит:

Дивный новый мир работает не на удовлетворение потребностей людей, но исключительно ради поддержания механизма системы. И хотя экономическое устройство этой системы описано весьма смутно, критика Хаксли вполне применима к государственному капитализму. Истинное значение этой критики не в обсуждении, что есть счастье, но в констатации, что капитализм сегодня достиг стадии, когда потребности людей манипулируются до такой степени, что возникает реальная опасность утратить саму способность к сопротивлению господству⁶³.

Адорно и Хоркхаймер переводят дискуссию из тоталитарного будущего в капиталистическое настоящее. Недостаточно обозначить вектор развития проблемы, заявляют они, необходимо поместить ее в контекст политической критики современности, чтобы выявить, как именно, минуя прямое насилие, система навязывает представление о том, что «все так устроено и ничего тут не поделаешь», используя пропаганду и ненавистную Хаксли массовую культуру. Но если Хаксли критикует последнюю за шаблонность, низкопробность и потакание инстинктам, Хоркхаймер предлагает принципиально другое видение:

Борьба с массовой культурой заключается в том, чтобы раскрыть ее связь с господством. Смешно обвинять жевательную резинку в том, что она мешает человеку увлечься метафизикой, зато вполне можно показать, что компания Уильяма Ригли с ее сверхприбылями и дворцом в Чикаго выполняет социальную функцию, суть

61 Bahr E. Weimar on the Pacific: German Exile Culture in Los Angeles and the Crisis of Modernism. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007.

62 Murray N. Aldous Huxley: A Biography. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 247.

63 Adorno T. W. et al. Translation: Excerpts From The ISR Seminar on Needs (URL: <https://jamescrane.substack.com/p/translation-excerpts-from-the-isr>).

которой — примирить человека с неудовлетворительными общественными отношениями и отвлечь его от критики этих отношений. Следует пояснить: не жевательная резинка наносит вред метафизике, напротив, она и есть метафизика⁶⁴.

Хакслианское противопоставление высокого и низкого — само по себе продукт классового доминирования, утверждают франкфуртцы: вместо обеспечения справедливых общественных и трудовых отношений людям преподносят естественную для них потребность как возможность удовлетворить стремление к высокому. В обществе, основанном на несправедливости, всякое искусство обречено на роль раскрашенной ширмы, за которой ворочаются жернова системы, и в этом смысле «симфония Бетховена в исполнении оркестра под управлением Тосканини немногим отличается от очередного популярного фильма». Более того, в отсутствие господства существенно изменятся сами потребности. «Абсурдно думать, — пишет Адорно, — что революционное общество будет с прежним восторгом воспринимать постановки с Хеди Ламарр и малосъедобные супы Кэмпбэлл. Чем качественнее суп, тем легче отказаться от бравурной Ламарр»⁶⁵. Два года спустя, отвечая Паулю Тиллиху, Адорно сообщает:

Вы упоминаете «Дивный новый мир» Хаксли. Мы [с Хоркхаймером] уже некоторое время собираемся написать об этой вещи. Хаксли — умный человек, ему, как, наверное, никому другому, удалось спроецировать контуры современного состояния до точки, где они сошлись в образе негативной утопии. <...> Это действительно проекция государственного капитализма, и одно из свидетельств проницательности Хаксли в том, что, назвав работницу инкубатория Лениной, он показывает, как госкапитализм поглощает даже коммунизм как очередную «идеологию»⁶⁶.

Примерам и продуктам подобного поглощения можно было бы посвятить отдельное исследование, мы лишь обратим внимание, насколько более четкой становится созданная Хаксли картина будущего (и настоящего), если смотреть на нее через призму критической теории. Совместного текста, посвященного исключительно творчеству Хаксли, франкфуртцы так и не написали, однако в своих интерпретациях этого автора они вторят друг другу. Так, Хоркхаймер в финале первой части «Затмения разума» (1947), озаглавленной «Цели и средства» (*sic!*), оценив прозорливость Хаксли, который в изощренных пропагандистских и евгенических процедурах предвосхищает процессы, происходящие в сознании современного человека прямо сейчас, критикует его за выбор индивидуализма и культуры как единственного барьера на пути тоталитарного капитализма:

64 *Horkheimer M. et al.* Translation: Excerpts From The ISR Seminar on Needs (URL: <https://jamescrane.substack.com/p/translation-excerpts-from-the-isr>).

65 Этот пассаж практически полностью вошел в эссе Адорно «Хаксли и утопия», однако вместо Ламарр и супов *Campbell* в итоговом тексте значится «мишура и супы Devorgu». Хеди Ламарр — не только звезда авангардного европейского кино и мейн-стрима голливудского кино, но и изобретательница, чьи работы предвосхищали развитие сотовой связи. Цитируется по изданию: *Adorno T.W.* *Prisms*. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 110.

66 *Adorno T.W.* *Contra Paulum*. Draft for a Critique of Paul Tillich's *Man and Society in Religious Socialism* (URL: <https://jamescrane.substack.com/p/theodor-w-adornocontra-paulum-1944>).

...идеалу этой оглуляющей системы роман противопоставляет героический метафизический индивидуализм, без разбора осуждающий как фашизм, так и просвещение, как психоанализ, так и кинематограф, как демифологизацию, так и бродящие в головах мифологии и превозносящий культурного человека, вероятно, скептика, неспорченного цивилизацией и уверенно следующего своим инстинктам. <...>

Иными словами, в то время как наивное утверждение субъективного разума уже привело к симптомам, немногим отличающимся от описанных у Хаксли, наивный отказ от этого разума во имя исторически отжившего и иллюзорного понятия культуры и индивидуальности порождает презрение к массе, цинизм и веру в слепые силы⁶⁷.

Очевидно, что Хоркхаймер (как и Адорно) спорит с Хаксли начала 1930-х, но и более поздние поиски Наивысшего Общего Фактора в традиционных религиозных и мистических текстах он развенчивает не менее решительно: «гарантированные предписания вроде новейшей популярной мистики Хаксли весьма кстати в дивном новом мире, как, впрочем, и любая готовая идеология». Хоркхаймер отказывается искать ответы в мистической традиции, поскольку, следуя критической теории, только осмысление текущих и текущих условий господства и доминирования, актуальных общественных и производственных отношений может служить релевантной предпосылкой для сопротивления и желаемых изменений. С этим сложно не согласиться, однако многие из положений критики Адорно и Хоркхаймера сам Хаксли подтвердил в предисловии к американскому изданию 1946 года:

...в зрелом возрасте пытаться исправлять ошибки, совершенные и завещанные тебе тем другим человеком, каким ты был в молодости, безусловно, пустая и напрасная затея. Вот почему этот новоиздаваемый «О дивный новый мир» ничем не отличается от прежнего. Дефекты его как произведения искусства существенны; но, чтобы исправить их, мне пришлось бы переписать вещь заново — и в процессе этой переписки, как человек постаревший и ставший Другим, я бы, вероятно, избавил книгу не только от кое-каких недостатков, но и от тех достоинств, которыми книга обладает. <...>

Если бы я стал сейчас переписывать книгу, то предложил бы Дикарю третий вариант. Между утопической и первобытной крайностями легла бы у меня возможность здравомыслия — возможность, отчасти уже осуществленная в сообществе изгнанников и беглецов из Дивного нового мира, живущих в пределах Резервации. В этом сообществе экономика велась бы в духе децентрализма и Генри Джорджа, политика — в духе Кропоткина и кооперативизма. Наука и техника применялись бы по принципу «суббота для человека, а не человек для субботы», то есть приспособлялись бы к человеку, а не приспособляли и порабощали его (как в нынешнем мире, а тем более в Дивном новом мире)⁶⁸.

Этот заочный обмен мнениями, к сожалению, так и не вышел на уровень личной переписки или дискуссии. Хаксли редко отвечал на критику персонально и содержательно, предпочитая размытые формулировки и ответные саркастические выпады: «Известный ученый критик оценил меня как грустный симп-

67 Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011. С. 68.

68 Хаксли О. О дивный новый мир / Пер. с англ. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 5–6.

том краха интеллигенции в годину кризиса. Понимать это следует, видимо, так, что сам профессор и его коллеги являют собой радостный симптом успеха. Благодетелей человечества должно чествовать и увековечивать. Давайте же воздвигнем Пантеон для профессуры»⁶⁹. Недоброжелательная профессура стала чаще появляться в текстах Хаксли после того, как он встал на путь поисков Наивысшего Общего Фактора. Вероятно, в эту категорию входили и работавшие не-подалеку въедливые франкфуртцы, которые, как выясняется, читали его внимательней других. Наиболее проницательная и полная критическая картина представлена в опубликованном в 1955 году эссе Адорно «Олдос Хаксли и утопия», куда перекочевали многие из «Тезисов о потребностях»⁷⁰. Препарируя дивный новый мир, Адорно делает акцент на идейных противоречиях и доходит до самой сути — смысла человеческого существования, изложенного Главноуправителем Всемирного государства Мустафой Мондом. Он запрещает к публикации «Новую биологическую теорию» и обосновывает это так:

«Подобными идеями легко сбить с толку тех высшекастовиков, чьи умы менее устойчивы, разрушить их веру в счастье как Высшее Благо и убедить в том, что жизненная цель находится где-то дальше, где-то вне нынешней сферы людской деятельности; что назначение жизни состоит не в поддержании благоденствия, а в углублении, облагорожении человеческого сознания, в обогащении человеческого знания. И вполне возможно, подумал Главноуправитель, что такова и есть цель жизни. Но в нынешних условиях это не может быть допущено»⁷¹. Какой бы бледной, размытой и искусно осторожной, — комментирует Адорно, — ни была формулировка этого идеала, она все равно не избегает противоречия. «Облагорожение сознания» и «обогащение знания» недвусмысленно гипостазиируют сознание, противопоставляя его практике и удовлетворению материальных потребностей. Ведь само сознание по своей природе предполагает процесс жизни в обществе и, в особенности, разделение труда, а «воплощение» всякого умственного и духовного содержания заведомо связано с конкретным бытием и его запросами. Таким образом, постановка разума в безусловную и вневременную оппозицию к материальным потребностям ведет к идеологическому увековечиванию текущих форм разделения труда и общества⁷².

69 Там же. С. 6.

70 Эссе начинается рассуждением о волне интеллигентской эмиграции в Америку 1930–1940-х и ее отличиях от тех, кто приехал за американской мечтой ранее. Если последние старались встроиться в существующую систему, а не критиковать ее, то европейский интеллигент, пишет Адорно, столкнувшись с требованием системы «ликвидировать себя как автономное существо, если он надеется чего-либо достичь или быть принятым в качестве сотрудника супертреста, в котором сконцентрирована теперь вся жизнь» (*Adorno W.T. Prisms. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 98*), чувствует свое бессилие, а его непосредственной реакцией становится паника. «“О дивный новый мир” есть выражение этой паники, или, скорее, ее рационализация» (*Ibid.*). Адорно, конечно, описывает прежде всего собственный опыт, не вполне корректно экстраполируя его на Хаксли, который начиная с 1920-х годов успешно капитализировал свой статус заморского интеллектуала, регулярно печатая эссе, мнения и путевые заметки в популярных американских журналах. Более того, «О дивный новый мир» был написан за четыре месяца 1931 года, за шесть лет до переезда в США, который поначалу планировался как временный. Из этого можно сделать вывод, что близкие во многом авторы близко не общались.

71 Хаксли О. О дивный новый мир / Пер. О. Сороки. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 93.

72 *Adorno T.W. Prisms. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 107–108.*

Адорно показывает, что позиция, с которой Хаксли критикует дивный новый мир, лежит в основании системы, пользуясь телеологией которой он и получил столь достоверный образ будущего. Он судит дивный новый мир, используя тот же позитивистский здравый смысл, который высмеивает в романе, доводя до логического предела, а в качестве альтернативы брэнности бытия и ужасам истории Хаксли предлагает *philosophia perennis* — вечное сияние царства идей. Претензия писателю, что высокая культура, мистическая традиция и индивидуальность являются для него базовыми ценностями, может показаться опрометчивой, однако, учитывая взгляды, которых, как мы показали выше, придерживался Хаксли в начале 1930-х, сложно не поразиться всепроникающей ясности критики Адорно. «Олдос Хаксли и утопия» — критичный, резкий, местами безапелляционный, но при этом предельно вдумчивый и теоретически обоснованный разбор творчества Хаксли. Рычаг критической теории поднял интерпретацию его произведений на принципиально новый уровень, но Хаксли на этом уровне неуютно: во-первых, потому что мысль франкфуртцев радикальней и последовательней, чем его самые радикальные и последовательные идеи, а во-вторых, ему претит всякий догматизм, а марксистского толка материализм иначе как догма им не воспринимался.

Какими бы острыми ни были противоречия между Хаксли и основателями критической теории, сегодняшние мировые недуги каждый диагностировал верно. Можно полагать, что все трое сошлись бы и в интерпретации причин нынешней глобальной ситуации, поскольку движение, с небольшими отклонениями, до сих пор идет по сценарию, от которого они предостерегали. Утратили ли мы «самую способность к сопротивлению господству»? Сохранили ли способность по крайней мере отслеживать механику изменений в информационном гвалте, который сами себе создаем, следуя непреложным правилам экономики внимания позднего капитализма? Понимаем ли, что устремленный в космос и зигующий на радостях триллионер — это не эксцесс, а закономерность? И к чему ведет дальнейшее сращивание государства и капитала, когда на одном конце света левопопулистский лидер выстраивает систему тотального цифрового контроля, используя технологии, проданные тех-олигархами, которые сплотились вокруг правопопулистского лидера на другом конце света, потому что тот пообещал не сдерживать развитие нового технологического идола, позволяющего им еще меньше зависеть от живых людей, — ведь работать скоро будет не обязательно⁷³. Продолжающаяся кровавая экспансия в Европе, подпитываемая углеводородами, от которых никто не может отказаться, и человеческим ресурсом тех, от кого отказались как будто все и для кого не нашлось достойного места в госкапитализме, показалась бы на этом фоне регрессом в варварское прошлое.

Сегодня лишь конформист согласится с тем, что объективное безумие следует рассматривать как простую случайность исторического развития, ведь регресс является неотъемлемой частью последовательного развития господства. Теория не вправе прекраснотушно выбирать из хода истории то, что ей удобно, а что не удобно — опускать⁷⁴.

73 Linares M.G.S. Why «Work Will Be Optional» According to Elon Musk // Forbes. 2025. November 25 (URL: <https://www.forbes.com/sites/mariagraciasantillanalinares/2025/11/25/why-work-will-be-optional-according-to-elon-musk/>).

74 Adorno T.W. Prisms. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 112.

Построения Адорно и Хоркхаймера и прогнозы Хаксли пугающе точно описывают сегодняшнюю реальность, однако против доказательной (пусть и задним числом) медицины критической теории хакслианский путь здравомыслия может показаться селф-хелп пособием от благонамеренного гуру. Да, нам не всегда приходится выбирать между йогой и рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, однако в условиях «объективного безумия» критическая теория дает более твердое основание и для оценки ситуации, и для действия. При всей близости интересующей их проблематики Хаксли и основатели Франкфуртской школы производили тексты в разных регистрах, для разных аудиторий: эссе Хаксли солидными тиражами печатали ведущие издательства по обе стороны Атлантики; книги франкфуртцев выходили, как правило, по-немецки в небольших академических издательствах, а их главный совместный труд «Диалектика просвещения» был переведен на английский только в 1971 году. При этом сегодня сформулированную в «Диалектике» критическую теорию преподают во всех либеральных университетах мира, тогда как написанная понятным старшекласникам языком (и для них, по сути, и предназначенная) политическая эссеистика Хаксли существует на периферии литературоведения и активизма. Этому можно найти множество объяснений, но в свете вышесказанного кажется правомерным вопрос: до какой степени капитализм кооптировал критическую теорию (подобно тому, как дивный новый мир поглотил коммунизм), подменив классовую борьбу воукизмом? Или же он адаптировался, чтобы выдерживать ее критику, не производя коренных изменений, а затем нанес контрудар? Дебаты на подобные темы между давно почившими мыслителями, вероятно, скоро сделает возможными всесильный ИИ. <...>

Безнадежная утопия

К началу 1950-х представления Хаксли о желаемом будущем практически сформировались, а его поиски наибольшего общего знаменателя переместились в более практическую плоскость. По вторникам у него дома стали проходить встречи, посвященные изучению парапсихологии — деятельности медиумов, гипноза и прочих явлений⁷⁵. В отличие от «профессоров», которые высмеивали или отмахивались от всего, что не входило в принятый научный канон, он проявлял предельную открытость новому и стремился узнать как можно больше о любых явлениях, выходящих за рамки повседневного опыта. Это вовсе не значит, что традиционные области знания перестали его интересовать или что он сузил свой феноменальный кругозор: интеллектуальные способности писателя по-прежнему позволяли ему вбирать, аккумулировать, анализировать и интерпретировать огромное количество полезной информации. Вот как Хаксли тех лет описывает его сосед, композитор Игорь Стравинский, с которым писателя связывала многолетняя дружба:

Олдос — человек чрезвычайно широких взглядов: среди моих друзей только он свободно чувствует себя практически в любой культуре. У него в гостях я знакомился с экономистами, паразитологами, промышленниками, спелеологами, гипнотизерами, физиками, оккультистами (ливанский маг Тара-Бей), индийскими

75 Murray N. Aldous Huxley: A Biography. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 489.

йогами, актерами, антропологами, ректорами университетов (Роберт Хатчинс), астрономами (Эдвин Хаббл), а порой даже и с литераторами. <...> Из всех известных мне ученых мужей беседа с ним доставляет особое наслаждение благодаря его неизменному чувству юмора. Помню, как в Лос-Анджелесе, взглянув на огромный банк, строившийся рядом с крошечной церковью, он пробормотал: «Бог и маммона в обычной пропорции»⁷⁶.

Хаксли с энтузиазмом относился и к новым исследованиям в области фармакологии и медицины <...>, которые обеспечили вещественную, химическую основу его поискам Наивысшего общего фактора. <...>

Эти идеи Хаксли развивал в публицистике и транслировал в своих выступлениях на научных конференциях широкого спектра: от парапсихологии и акупунктуры до первого Симпозиума по психоделическим веществам в Чикаго и Сопенияния по важнейшим вопросам этики в современной медицине в Дартмутском колледже. В сентябре 1960-го в качестве приглашенного профессора Массачусетского технологического института он прочел курс лекций, озаглавленный просто — «Проблемы человеческой природы». Лекции пользовались огромной популярностью, и, когда зал был переполнен, выступления транслировали через громкоговорители на улицу. Иногда желающих было так много, что на мосту через реку Чарльз образовывались пробки и приходилось вызывать дополнительные наряды полиции⁷⁷. Его появление на любом публичном мероприятии гарантировало внимание СМИ, из публичного интеллектуала он превратился в культовую фигуру. По возвращении из очередного путешествия он рассказывал Осмонду:

Я был одновременно тронут и потрясен, обнаружив, что теперь, после долгих лет деятельности, я стал своего рода историческим памятником, ради осмотра которого туристы преодолевают немалые расстояния и который газетчики и радиорепортеры считают достойным освещения в новостях. В Бразилии, где бы я ни появлялся, создавалось впечатление, будто в город только что прибыла Пизанская башня; даже в Италии я оказывался окружен целыми амфитеатрами. Это было по-настоящему странно и неловко⁷⁸.

Тогда же в орбиту Хаксли попал молодой гарвардский профессор Тимоти Лири, запоем прочитавший «Двери восприятия» и «Ад и рай». <...> О влиянии Хаксли на раннюю интернет- и хакерскую культуру упоминает не одно исследование⁷⁹, его портрет есть на обложке альбома *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band*, Джим Моррисон назвал свою группу в честь «The Doors of Perception» — и это лишь самая вершина поп-иконостаса одного из самых последовательных отрицателей поп-культуры, который даже джаз считал сошедшим с конвейера ширпотребом, не подразумевающим осмысленного участия слушателей. <...>

Многочисленные выступления, лекции и путешествия конфликтовали с писательскими планами Хаксли — все эти годы он работал над романом «Остров» (1962), который стал его последним произведением крупной формы. Идея написать книгу о правильном мироустройстве в противовес дистопии «О дивный новый мир» появилась у Хаксли еще в 1939-м, но окончательно фабула

76 *Stravinsky I., Craft R. Dialogues and a Diary*. New York: Doubleday, 1963. P. 42.

77 *Murray N. Aldous Huxley: A Biography*. New York: Thomas Dunne Books, 2003. P. 549.

78 *Ibid.* P. 537.

сложилась только с появлением последнего камня в фундаменте его мировоззрения. Теперь ему нужно было объединить пацифизм, мистическую традицию, экологическую повестку, мультикультурализм, самодостаточную экономику, соразмерную базовым человеческим потребностям, технологии, которые служат человеку, а не наоборот, демократическое самоуправление <...> и пр. и пр. в единый непротиворечивый мир. С самого начала он осознавал почти непреодолимые препятствия, которые ставит перед ним романная форма.

Я усердно работаю над моим утопическим романом, изо всех сил стараюсь вписать в книгу огромный объем разнообразного материала, не превратив при этом его в чисто описательный или дидактический текст. Вероятно, добиться полного успеха в решении этой задачи невозможно в принципе... Я пытаюсь облегчить изложение, перенося материал в диалоги, которые стараюсь сделать как можно более живыми. Но при этом меня постоянно преследует ощущение, что, будь у меня достаточно таланта, я нашел бы способ поэтизировать и драматизировать весь этот интеллектуальный материал и создать произведение, которое было бы одновременно смешным, трагическим, лирическим и глубоким. Увы, таким талантом я не обладаю...

Самокритичность зрелого Хаксли была под стать творческим задачам, которые он перед собой ставил. На уровне фабулы и героев «Остров» — это фактически «позитив» его знаменитой дистопии. <...> Вместо Дикаря Джона, привезенного из резервации, на остров Пала из большого мира попадает продукт современной цивилизации — журналист Уилл Фарнеби. Тоталитарному стазису Всемирного государства ничего не угрожает, тогда как хрупкому балансу осмысленной островной жизни грозит гибельная опасность изнутри и снаружи. Вместо привязчивых рекламных джинглов дивного нового мира воздух острова оглашают птицы мины, безуданно напоминаящие: «Здесь и сейчас, друзья». Этот список можно продолжать. В конце концов чистый и наивный Дикарь переживает грехопадение, а прожженный и циничный Фарнаби — просветление. При этом дистопия, написанная молодым элитаристом и насмешником из желания спародировать прекраснотворного мэтра, оказалась несравнимо живее и актуальнее, чем изложенный в романной форме компендиум выстраданных мудростей. Хаксли сам прекрасно понимал свои ограничения. На вопрос ведущего передачи *Monitor* поэта Джона Лемана, о том, согласится ли он, несмотря на разнообразие своих литературных амплуа, назвать себя в первую очередь романистом, Хаксли ответил:

Для меня это было бы очень лестно. Я, конечно, хотел бы написать по-настоящему хороший роман, чего мне пока не удавалось. Пожалуй, мои потуги на звание романиста не вполне правомочны, я скорее эссеист, который использует романную форму и получает от этого огромное удовольствие. <...>

В своих эссе я всегда старался высказать все и сразу, но так, чтоб это было не скучно читать. В этом и состоит, на мой взгляд, самая большая сложность: собрать в гармоничное целое огромное количество различных элементов, сохранив при этом некое единство⁸⁰.

79 См.: Coleman G. Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy. The Many Faces of Anonymous. London: Verso, 2014. Подробнее см.: Davis E. Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information. London: Serpent's Tail, 2011. Также см.: Heim M. Virtual Realism. Oxford: Oxford University Press, 1998.

80 Huxley A. Interview. Monitor. Writers and Wordsmiths // BBC Archive. 1958 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pXS5yWatuE8>).

В преодолении этой сложности Хаксли — непревзойденный мастер. Его поздняя эссеистика поражает широтой мысли, ясностью изложения и полным отсутствием догматизма, поскольку сильным высказываниям он со временем стал предпочитать верные, а парадоксальным — точные. Его образ будущего претерпел значительные изменения, которые следовали за его неутомимым поиском правды, новых знаний и возможностей и лучшей доли для всех. Если в ранние годы это была наиболее точная и до сих пор актуальная проекция социального развития, постулируемого как единственно возможное, то чем дальше он уходил от забот повседневности, чем активнее искал альтернативу изматывающей борьбе с самим собой и окружающим миром, тем сильнее его идеи резонировали со все большим количеством мужчин и женщин, тем отчетливее было его влияние на их умы и жизни. Из океана мысли, противостоящей идеологиям превосходства, разделения и насилия, сложно выделить труды Хаксли, но можно с уверенностью сказать, что его полноводная река продолжает питать этот океан и сегодня.

Библиография / References

- Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011.
- (Horkheimer M.* Eclipse of Reason. Moscow, 2021 — In Russ.)
- Adorno T.W. et al.* Translation: Excerpts From The ISR Seminar on Needs (URL: <https://jamescrane.substack.com/p/translation-excerpts-from-the-isr>).
- Adorno T.W.* Contra Paulum. Draft for a Critique of Paul Tillich's Man and Society in Religious Socialism (URL: <https://jamescrane.substack.com/p/theodor-w-adornocontra-paulum-1944>).
- Adorno T.W.* Prisms. Cambridge: MIT Press, 1988.
- Bahr E.* Weimar on the Pacific: German Exile Culture in Los Angeles and the Crisis of Modernism. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007.
- Coleman G.* Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy. The Many Faces of Anonymous. London: Verso, 2014.
- Craft R.* Stravinsky: Chronicle of a Friendship. Nashville: Vanderbilt University Press, 1996.
- Davis E.* Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information. London: Serpent's Tail, 2011.
- Day Lewis C.* We're not Going to Do Nothing: a Reply to Mr. Aldous Huxley's Pamphlet «What are you going to do about it?» // Left Review. 1936.
- Heim M.* Virtual Realism. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Horkheimer M. et al.* Translation: Excerpts From The ISR Seminar on Needs (URL: <https://jamescrane.substack.com/p/translation-excerpts-from-the-isr>).
- Igual M.M.* Gleb von Anrep (1890–1955). A Student of Pavlov in the British Empire // Neurosciences and History. 2021. № 9 (1). P. 23–36.
- Joad C.E.M.* Review in New Statesman and Nation. 5 October 1946 // Aldous Huxley. The Critical Heritage / Ed. by Donald Watt. New York: Routledge, 1997. P. 363–365.
- Murray N.* Aldous Huxley: A Biography. New York: Thomas Dunne Books, 2003.
- Shadurski M.* Wells and the World State // The Oxford Handbook of H.G. Wells / Ed. by Duncan Bell and Sarah Cole. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 546–558.